

Книжная серия
«АВАНГРАНДЫ»

ИРИНА ГОЛУБЕВА

**КОЛЫБЕЛЬНАЯ
СЕНТЯБРЮ**

СТИХИ

Издательство
Евгения Степанова

2021

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г62

Голубева И.

Г62 Колыбельная сентябрю. Стихи —
М.: Издательство Евгения Степанова, 2021 — 44 с.

ISBN 978-5-91865-665-5

Ирина Голубева — поэт, автор-исполнитель, профессиональный музыкант. Живет в Москве. Автор книг стихов «Согласование времен», «Здесь тишину называют по имени», «Между».

В книге «Колыбельная сентябрю» представлено избранное поэта.

© Голубева И., 2021
© Издательство Евгения Степанова,
оригинал-макет, верстка, 2021
© Климов В., название серии, 2015

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ПОСВЯЩЕНИЕ ЮНОСТИ

Когда мы были счастливы, шел снег,
и город лег, невидим, лишь звонарь,
единственный не спящий человек
раскачивал пространство. А январь
в тот год так и не кончился, он пел,
захлебываясь в паводке черемух,
и притворялся серебром черненым
на тополях. Отсутствовал предел
у этой без помарок чистоты,
и приближались дальние орбиты,
с которых в нас смотрели я и ты.
Когда мы были счастливы, еще
не вызрели трагические даты,
и правый не казался виноватым,
кумир не оказался палачом,
а юность столь бесхитростно крылата —
и в пасечника верится, и в пчел.
И грелись снегири в румянце щек,
когда мы были счастливы. Когда
и где же это было? В чьих владеньях?
Вокруг роились лица и года,
а мы считали просто совпаденьем,
что встретились, что талая вода
нечаянно стекала нам под ноги,
и март к нам выбирался из берлоги,
и ждали мы, что упадет звезда...
Вот так мы были счастливы тогда.

ВРЕМЯ

Как пробегает время по краю неба!
Как, зацепившись за крышу, висит осколком
месяца! Как бьет без промаха! Как время бесится,
когда ему не уступаешь, когда отстаешь
от данной прямой! Отсекает, как скульптор, любой
затянувшийся час слишком длительного
созерцания!

Отметает, не выслушав, все просьбы повременить,
пока слезы росы выгорают, и строятся гнезда
пернатых... Как светится время! —

Теперь чаще звездами,
чем солнцем, но кто-то читает их редкую тайнопись,
влюблен в эту пустошь и тянется руку пожать...
Тогда время, как будто смущаясь,

сбивается с пульса,
но слезы росы остужают минутный пожар.
Бывает тяжелым, бывает, сочится из капельницы,
и черный монах одиночества, вроде секьюрити,
стоит в отдалении... Бойся затмения времени!
Пусть в паузах хаоса слышится сердцебиение!
И время, как в детстве, садится с тобой на скамейку
в обнимку. Колышется тополя теплый овал.
В те годы никто из нас даже не предполагал,
что солнечный день и длинней,
и счастливее серого.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

Земля давно мечтала отдохнуть,
унять вулкан, свернуть шторма над Кубой.
Младенец спал, подрагивали губы,
впервые ощущая Млечный путь.
Сентябрь в тот год был нежен, собирал
по дальним сопкам грозовые гроздьа,
дарил лучи, и согревались гости
огнем лучей, когда младенец спал.
А после были зной и холода,
менялись песни возле колыбели.
На комнатной, на новогодней ели
горела Вифлеемская звезда.
Спасибо за тревожащий восход,
поднявшийся над линией заката!
За призрачные «где-то» и «когда-то»
от самых первых до последних нот.
За вечный праздник наших кратких встреч!
За теплоту, что в воздухе весеннем
сливается с сентябрьским настроением,
которое так хочется сберечь.
Младенец спал. Как сладко дети спят,
хранимые небесными часами!
Как трудно жить, чтоб оставались с нами
и мир в душе, и этот ясный взгляд.
А в недрах закипали торф и ртуть,
шли отраженья бешеного шквала!..
Младенец спал под звездным покрывалом.
Земле давно хотелось отдохнуть.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

* * *

Поздней осени грязь и сырость,
чердаков и подвалов хлам...
Что-то скрылось, ожесточилось,
сжалось между оконных рам.
Что-то нежное, то, что плыло,
и казалось, почти сбылось,
так нечаянно наступило,
так печально оборвалось.

Вроде небо, но без лазури,
вроде утро, но не светло.
Воздух шумановской мазурки
бьется в легких, как жук в стекло.
Будоражит глоток сирени,
стрелка Космоса на песке.
Дух безумства и дух смиренья
вечно рядом — щека к щеке.

Ты души моей друг-попутчик,
никогда не скажу «Прощай»,
случай счастья и боли случай
претенденты на здешний рай.
И не спрашивай, с кем сегодня
просыпалась моя душа
в тех местах, где видны всего лишь
шар планеты и солнца шар.
Где-то там, в тех лугах бессонных
все прекрасно и все не зря.
Чувство осени — невесомость,
жизнь без чисел календаря.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ПОЗДНО

Оттого, что любишь.
Оттого, что поздно.
Оттого, что долго
ночь была беззвездной.
И жила-ходила
по горизонтали
с сотнями таких же
с черными зонтами.
А теперь боишься,
а теперь вот страшно,
ищешь злую правду,
смотришь в день вчерашний.
А теперь банальны
и слова, и поза...
Оттого, что любишь.
Любишь слишком поздно.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

РОМАН

Роман — это, видимо, просто название местности,
прохладная роща, за нею крутой косогор.

Когда-то, наверно ты помнишь,
гуляли в ней вместе мы,
нас нет там давно, а деревья шумят до сих пор.

Роман — это просто любить,
вопреки обстоятельствам,
загадывать, верить, что сбудется, произойдет!
Сжимается лето под криком осеннего ястреба.

Роман этот — просто последний,
финальный отсчет.

И время безумцев!
Счастливое братство художников!

Веселые рифмы, распетые на голоса!
Глаза твои плачут под солнцем,
смеются под дождиком. —

Лишь в нашем романе бывают такие глаза.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ЗИМА

Снова нас морозит зима,
снова мы растопим камин.
Будем говорить о делах.
о причудах нынешних зим.
Будем говорить ни о чем,
вглядываясь в дальнюю даль —
там поднимет Моцарт смычок,
и негромко вступит рояль.
И, как зверь, спустившийся с гор,
в инее весь и в серебре,
в дом войдет его Соль минор
и уляжется на ковре.
И забьется заново пульс,
рукописью станет зола,
зablестит он, наш зимний путь.
Что ж, пойдем! Была не была!
Будем вспоминать имена
и соединять их в узор,
всех, кого наполнил до дна
и увел с собой Соль минор,
отводить и прятать глаза,
закрывать руками лицо...
Дальняя звезда-бирюза
утром упадет на крыльцо.
Бьют часы, в который раз бьют,
их не остановится бег.
В доме нашем свет и уют,
а над домом вечность и снег.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ПАМЯТИ ЛИДЫ

Между землей и звездой,
в этом редкостном Между,
где ни травы, ни болот, можно только стучать
в стекла тумана, можно чуть веки смежить
и покачаться на теплых осенних лучах.
В этом загадочном Между усталая нежность
хлынет, как ливень, смывающий тяготы лет,
словно и были всего василек да подснежник,
словно и не было боли. И нет больше. Нет.
Как же легки и целебны небесные силы!
Пусть не пугает по телу бегущая дрожь!
Рядом с любимыми, между зеленым и синим
ты остаешься — мечтаешь, летаешь, живешь.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ПИСЬМО В НЬЮ-ЙОРК

А еще здесь все белым-бело, и скоро
чернозем морщин январский снег не тронет,
и, разбросанный в осколках новостроек,
еще долго не проснется зимний город.
Растянувшийся от луга до залива,
ежечасно изменяющий название —
мы, конечно, поселиться в нем могли бы,
если б знали, где мы сами, с кем мы сами.
Если б видеть этот лес и этот воздух,
дом с крыльцом и выходящих нас под утро
на траву, в которой прячутся минуты,
как роса под утро прячется в осоку!
А еще здесь долго бухают собаки,
целый день у дома музыка играет.
День кончается, и дети засыпают,
слава богу, отдыхаешь от забав их.
День кончается, а дети вырастают
незаметно между лугом и заливом,
где однажды повстречаться мы могли бы,
если б стали разведенными мостами.
А пока здесь все белым-бело, и скоро
чернозем морщин январский снег не тронет,
не разбудит, не догонит, не догонит
южный ветер — зимний город.

ВОЛНА

Саму себя баюкает волна,
в себе самой находит утешенье,
то замирает в сонном погружении,
то вдруг не спит и видит, что стена
на противоположном берегу
у крепостных ворот чуть розовата,
что прячутся в объятиях заката
и шляпки дам, и клятвы на бегу,
веселый хор таверны, кипарис —
все схвачено клубами алой пыли,
и город, словно красный куб, распилен
и разогрет синкопами монист.
Вид с моря завершает переход
от водной глади к половодью жизни
и наконец туда, где сух и жилист,
ждет, просыпаясь, засыпая, ждет
старик у приоткрытого окна,
когда к нему поднимется волна.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

В ДЕТСТВЕ НА КЛАДБИЩЕ

Даты, даты... Тире, тире...
Каменные плащи с неповоротливыми складками
немного пугают, но в календаре
так много дней впереди — сладких,
хрустящих, как мамин «французский» торт!
И мама сама в чем-то ситцево-синем...
Не скоро, не скоро еще восторг
застынет гранитной линией.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

КАРАДАГ. ПРИБОЙ

По эту сторону моря
такой же, как всюду, морок,
классическое «Amore...»
витает в каждом кафе.
Не худшая из территорий!
Вот только смириться с ором
торговки самсой у мола,
как выбрать аутодафе!

А впрочем, шагать бесцельно
становится чем-то ценным,
к тому же старается Цельсий
не потревожить ртуть.
Закат рыжеват. Чинары.
Мужчины гоняют в нарды.
Девчушки терзают карты,
чтоб встретился кто-нибудь.

По эту сторону моря
видна никчемность теорий
любых. Горы помнят горе
татарина-старика.
Из всех стремлений простое
движение волны в прибое
присутствует, остальное —
высокая статика.

По эту сторону моря
вдруг хочется Лукоморья,
богатырей, измором
берущих крепость врага!

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

По эту сторону сразу
сдается всеильный разум,
и даст сто очков Эразму
прекрасная радуга!

По эту сторону моря
гитары всегда в миноре,
цикады всегда в софоре
иерихонской трубой!
Твой голос меркнет в их хоре,
но если сойдутся зори,
обычное Черное море
станет морем-судьбой.

Порою кажется странным
пространство делить на страны —
нас сблизивший полустанок
в границах или вовне?
Торопится август. Вскоре
начнутся хмари и хвори
по эту сторону моря.
Но мы – на той стороне.

ЖИЗНЬ

Зима. Мой день рожденья. На стекле
мороза вензель. Трепетные каллы.
Все грани бытия в одном бокале.
Весь мир сквозь молодое Божоле.
Мы юны. Мы легко вообразим
грядущее, как некую любезность,
и в наизнанку вывернутой бездне
отыщем взгляд к нам благосклонных зим.
Зажав в руке фамильный амулет,
под радостные возгласы «Дерзайте!»,
покуда счет не выставил дизайнер,
рисующий пространство наших лет,
уходим. Склоны узенькой реки
разводим в точки новых траекторий.
И город сам собой впадает в море
страстей, сомнений, славы, музыки.
Но волны рассекает водорез,
и занят вычитанием хронометр.
А взгляд из бездны, как смертельный номер
идущего за линию небес.
Еще подъем — и залп летучих рыб!
И, царь созвездий, Лев на перевале..
Чем более привязан к вертикали,
тем менее страшит тебя обрыв.
Мы снова поднимаем якоря.
Скользит ладья, и ярок клюв Тукана.
Все грани бытия в одном стакане.
Но... Ломтик хлеба на его краях...
Кому из нас?

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ЯПОНСКИЕ ХУДОЖНИКИ

Мы согревали зиму своим дыханием,
а летом не могли выбраться из долготы дня,
и казалось, ничто не разрушит здания,
созданного воздухом для тебя и меня.
А когда мир сужался до щелочки,
и отрывной календарь замирал на одном листке,
мы добавляли в холст больше нитей шелковых
и пили чуть более крепкий sake.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ПРОГУЛКА В ПЕРЕДЕЛКИНО

Когда солнце заглянет в проталины поля,
пойте!

О дороге, о поле, о солнечном диске!

Близко —

по прямой совсем рядом от солнца до сердца!

Серость —

лишь недолгая краска в твоём окружении.

Жемчуг

белокрылых снежинок играет все так же.

Такты

вечно Лунной сонаты обнимут, наполнят,

вспомнишь,

что ты атом, частица космических множеств.

Может,

оттого так светло, что не чувствуем груза лет,

что мы связаны полем, как связаны узами,

и снега замирают подобием музыки,

чистые, как До мажор.

ПЕРЕД ПАСХОЙ

Несколько дней между вторником и воскресеньем
светятся вербой, развертывая пространство
праздника. Будущим бабочкам знать про страсти
пятницы не доведется: взмахнут под сенью
лиственниц крыльями-красками и плащами
осени тотчас укроются; незнакомы
им муза уныния и катакомбы
памяти, и многолетний цветок обещаний.
Всюду судьба с озарениями, зарницами...
Малое солнце, горящее под абажуром —
знак мотыльку устремиться, как на амбразуру,
время тебе успокоиться, остановиться.
Капсула, раковина — что там внутри колышется?
Кем-то напетая жизнь в резонансе с куполом
неба? Уразуметь бы в спектакле кукольном
с вечно бегущими мальчиками на лыжах,
в этом перпетуум мобиле что в твоих силах?
Грунт пересохший насытить живыми водами,
вместе дожждаться весны! Только вот каково это —
переживать каждый год воскресение сына?

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ЛЮСЬКА

Не солнечно и не дождливо.
Похоже на сон.
Две лошади — рыжие гривы —
взлохматили склон
холма. Двух наездниц наряды
развеял ноябрь.
Но тайная музыка взгляда
похожа на явь,
на быль, где сады да калитки,
в лугах коростель,
а буйство цветочной палитры
сменяет пастель.
Там медленно тащатся версты,
пасутся стада.
Но как же стремительны весны
отсюда — туда!
И с каждым мгновением слаще
рябина в горсти!
Все вспомнишь в краю, состоящем
из долгих «Прости».

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Длинные тени заката. Безумная румба
волн, проникающих в самое сердце июля.
Образ цветущей земли, не открытой Колумбом.
Дом без хозяина. Вечно пустующий улей.
Просто войди в эту синь, раздели ее с теми
голубоглазыми сестрами дремы! Что толку
ждать диалога? На фоне скалистых растений
выросла тень твоей жизни. Надеюсь, что долгой.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

ПЕРЕДЕЛКИНО. ЗИМА

Мосточки-ласточки над музыкой ручья.
Росточки-весточки. Фольклорные мотивы.
Зима. Снега. Пейзажи молчаливы.
Снега. Зима. Обычная, ничья.
Орешки-семечки выщелкивает клест.
Еловый лес в лиловом сне оливы.
Вечор свеча подслушала молитвы:
страна без снега, как страна без слез.
Признаньем-знанием наполнены слова
учителей с высокого подворья,
соединивших образ и подобие,
любовь небес и озера овал.
В рисунке сумрака косуля-кабарга.
Реприза лет. Повтор судьбы и муки.
Сфорцандо стрел холодных. Колкость вьюги.
Зима. Снега. И вся-то недолга.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ОБРЕТАЮ ТЕБЯ

Обретаю тебя, как весну обретает год!
Как Вивальди собрал все ручьи
и включил в концерт!

И vivace дорог покатилося, и grave грот
шел с громадой созвучий лед растопить в конце
Allegretto... И вот я тебя обретаю опять!
Много сломано копий, и зол опустевший колчан.
Научилась терпеть, усмирять, умолкать, пеленать
этот свиток стихов для тебя – по ночам, по ночам.
Неприкаянный ветер над станциями Ты и Я
выбирал, где утихнуть, а нам выходило —
все врозь!

Мы, конечно, увидимся в облаке небытия,
но обнимемся здесь, на одну виноградную гроздь
удлинив пребыванье земное. И станет уют
долгожданной наградой в оправе бревенчатых стен,
где от печки тепло, и где я с этих самых минут
обретаю тебя, как весну обретает Роден!

ЧИТАЯ И. БРОДСКОГО

Неумолкающей юностью веет с материка.
Наслаждаются миром сидящие под оливами.
Облака размещаются в контурах синих лекал.
Эскиз рая взрывается золотистыми ливнями.
Давай побываем там, где никогда не будем,
где деревья не нами посажены, и не нам наблюдать
их последнюю наготу, где исчерпаны бури,
мостовые раздеты — без карет, без попутчиков, без
силуэта, что ближе, застывшего одиноко.
Лишь рысь кипарисов вспыхивает и затихает
под скачущим солнцем востока. Улыбка небес
сопровождает наше июльское интермеццо.
Венценосной особой покачивается Венеция,
сквозь вуаль сновидений
приближаясь по водам залива
под руку с островом. Набережная молчалива.
В ее летнем кафе можно вырасти и заблудиться,
отозваться на имя чужое,
прочесть иероглифы истины,
ибо здесь из реального — только далекие птицы.
Две влюбленные птицы. И рук твоих пианиссимо.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Памяти В. П. Самолетова

Не прекословь тому, кто знает меру дна и высоты.
Верь, не бывает ничего не отражающих зеркал.
Не провожай — еще не ясно, у какой застыть черты,
и все ли узнаны из тех, кого искал.
Не горячись, когда вокруг одни нетающие льды:
менять границы не под силу
самым мудрым мудрецам.
Вы сорваны и стали хрупки, как вчерашние цветы,
неистребимы, как цветочная пыльца.
Понятны дождь и бритва молнии,
вспоровшая закат.
Ясны значенья всех предметов,
к коим глаз давно привык.
А лепестки... Уже их много. Знаю я, куда летят,
но, жаль, пока не понимаю их язык.
Хочу спросить...
И змей бумажный шлю вдогонку наугад,
почти восторг — бежать с ним рядом
по небесной мостовой,
а после ждать, когда с ответом он воротится назад,
и догадаться — он спешит к себе домой.

РАЗГОВОР

Поговорим! Вот столик на двоих!
Прямая речь, и ты напротив. Длится
наш разговор, чтоб всласть наговориться,
забыв на вечер о делах иных.
Мы были здесь столетие назад,
все предрекали что-то, предрешили,
мы говорили громко и не в лад,
мне кажется, мы не договорили.
Поговорим! Вот принесли вино.
Поговорим свободно и бесцельно
о том, что мы недавно повзрослели,
хотя не молоды уже давно,
о том, что век рассеялся, как дым.
Какие сальто мы с судьбой крутили!
Как маятника ход неумолим!
А впрочем, мы об этом говорили.
Вот музыка. Бетховен. Помолчим!
(Смеркалось. Сапоги сминали гравий.
И кто-то с черно-белых фотографий
ушел, и нам не побежать за ним.)
Поговорим! Нам выпало вдвоем
сыграть в одной замысловатой пьесе,
и ясно, что финал ее известен,
но интересно, как к нему придем!
Ах, улыбнись! Давай-ка о простом —
погоде, даче, живности домашней,
о всем, что называют днем вчерашним,
но как стихи назвать «вчерашним днем»?
Мы будем жить, вдыхать земную ширь,
ловить губами радугу и вьюгу,
измерим мир количеством вершин,
открытых и подаренных друг другу!

Ирина Голубева
колыбельная сентябрю

Над веком нашим дымным воспарим!
И верится, наступит день весенний —
мой внутренний, мой милый собеседник
устроится за столиком моим.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

* * *

И. М.

Мой внутренний, мой нерушимый мир!
Страна любви — к тебе, к зиме, к высоким
снегам в полнеба, падающим в строки,
связующим прерывистый пунктир.

Мой утренний, мой безграничный холст!
Рисуй, что хочешь — времена и бездны,
отдай ему легко и безвозмездно
накопленное. И взойди на холм!

Оттуда сразу виден старый дом,
и свет в окне, не меркнувший с уходом
живущего. Ведь так мудра природа —
снег превращает в слезы. А потом

твой силуэт, светлей всех ясных дней,
сквозь черноту обуглившихся веток —
он доверяет тающему свету,
он начинает музыку огней.

Твой внутренний, твой негасимый свет
Плеснет волной от той звезды, что ближе,
и ты увидишь, да и я увижу,
что смерти нет, что смерти больше нет.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ЗДЕСЬ ТИШИНУ НАЗЫВАЮТ ПО ИМЕНИ

Здесь тишину называют по имени.
Здесь прокричи, промолчи — не помилуют!
Страшно вернуться по выцветшим линиям
в тридцать седьмой.
Замыслы, страсти — в граните да в инее.
Вещего слова печальные Пимены.
Красной рекой отсекли вас от нынешних.
Красной строкой.

Ирина Голубева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Не твоя закипает кровь во мне, не твоя.
Не твои целовала руки и знала — в последний раз.
Ничего общего — ни в разрезе глаз, ни в напеве.
Отчего ж так темно и так горько сейчас?
По статье какой? (Догадалась.)

По пятьдесят восьмой.

Где лежит весь год, да за годом год,
божьей карой снег.

Не была я там, не жила тогда, но Боже мой,
та иная кровь пополам со слезой в свой зовет ковчег.
Так нечаянно, неожиданно, спотыкаясь на
выговоре, не дворовом, не радостном — не моем,
распеваётся скрипка, и тянется небо до окна.
Не твоя кровь во мне, но мой ангел в сердце твоём.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Саше

Береги его, Ксения, в своем городе возле воды,
где присутствие мертвых ощущается,
как наваждение,
где изысканный холод и витиеватые льды,
и неделя длиннее других на пути к возрождению.
Красота балюстрад замурована в вакуум стен.
Примириться бы с тем,
что железной кружа каруселью,
громыхает в уме! В наше время преград и дилемм
укроти вместе с ним город-сплин,
помоги ему, Ксения!
Покажи ему высь!
Плоскость площади выведи в мост,
разведенный в ночи,
словно руки в момент восклицанья,
видишь, неумогу ему — ищет ответ на вопрос:
для чего подниматься туда,
где лишь звезды мерцают?
Возврати ему мир детских игр, фотографий в альбом,
что однажды ушло окончательно, невозвратно,
пусть звучит в его замке —
воздушном, песчаном, любом —
«Спи, мой мальчик, усни!»
эхом нынче немодных пластинок.
Окружи голубыми льняными цветами надежд,
разгорится над ним небывалая зорька дневная...
Где лежит меж мирами пустым капилляром рубеж,
пусть владеет он тем,
что обычно лишь припоминают.

НЕ БОЙСЯ!

Не бойся холодов и календарь не тронь,
сад сам переберет упавшие листья.
Оставь как раритет проржавленный патрон —
свидетельство набегов хищной пустоты.
Мы заживем с тобой отдельно от судьбы,
пускай брюзжит вдали и скалится! Пускай
мифическим огнем сверкают ястребы!
А мы впервые в жизнь вступаем, словно в рай.
Дверь ожидания за нами заперта.
Дом сбывшихся надежд в таежной слободе
открыт! Поистине, святая простота
заклучена в двойном портрете на воде.
И видеть, осязать фиалковую нить,
в разливах тишины осенних туч разбег —
блаженство. Иногда способен заменить
все множество людей один лишь человек.
Теперь уже ничто не сможет мир внутри
тебя разрушить. И не бойся постареть!
Наверняка, среди небесной утвари
есть средство успокоить века круговерть.
В миг вечности живем! Без времени, без дат!
И скучный циферблат не делим на часы.
Когда большая ель уткнется в грудь плетя,
не бойся ошущенья взлетной полосы!

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ

Низкие ивы болотистой местности.
Если весна, то надежды синонимы.
Если ж октябрь в отместку синоптикам
выпал, как джокер, то с детства известные
нотки минора: железнодорожный
состав, непременно цыгане с гаданием.
— Хочешь, уедем?
И зал ожидания
вздрагивает, как сирена тревожная.
И растворится в другом измерении
легкая вальсовость скорого поезда.
Может и мне «в романтическом поиске»
что-то открыть меж покоем и временем?
В дымке летучей друзья и приятели.
Низкие ивы. Болотная кашица.
Но почему-то сегодня мне кажется,
как же светлы они, как притягательны!

ЛЕТО

Небо. В небе облака.
Лес. В лесу покой и сырость.
Было это или снилось?
Лето. Горная река.
Высь. Резные купола.
Чем заоблачней, тем ближе —
это прорастают Кижы
из соснового ствола.
Раскрывается бутон.
Распускается фиалка.
Быстрых ласточек фиакры
украшают небосклон.
И прелестны комары,
расправляющие крылья,
их прививка от унынья —
часть божественной игры.
Вот бы выведать секрет, —
или вовсе нет секрета? —
чтобы длилось наше лето
еще много, много лет!
Акварель и пастораль.
Трав и тропочек сплетенье.
Вот и все стихотворенье.
Оно кончилось. А жаль.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

СОЛНЦЕ

Солнце августа. Яблочный Спас.
Ох, не верю тебе я, не верю.
Губы сомкнуты. Замкнуты двери.
Не про нас этот стих, не про нас!
Солнце осени. Поздний ожог,
незалеченный, неизлечимый.
И не надо копаться в причинах,
а тем более лезть на рожон.
В этих днях, сокращенных уже,
зыбко все, кроме воспоминаний.
Превращается солнце над нами
в образ солнца, живущий в душе.

* * *

Нет такого, чтоб обязательно рассказать
о всех зачарованных рощах в кругу земли,
об улице, разливавшейся, как благодать,
покуда метели памяти не замели.
Нет такого, чтоб горько молчать о том
чувстве несбывшегося, о повороте вспять
драмы ухода: колокол-камертон
все продолжает настройку на жизнь играть.
Нет этой нервной чуткости, поднятых плеч,
глаз, раздраженных явлением плохой приметы.
Воспоминанья, как беглые гласные, речь
и не нужна совсем для ощущения света.
Таянье слова, слов ускользающий снег,
он так и сыплет от Рождества Христова.
Но видит светильник тяжесть прикрытых век,
и терпит бумага, хоть нет ничего такого,
что ранее высекало громаду обид.
Есть воздух, нагретый осенним теплом и тлением.
Есть твоя комната, а в этой комнате быт. —
Кошка знакомится с новым стихотворением.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Я буду приходить к тебе во сне,
и сны твои наполнятся лугами,
зеленым лесом, желтыми стогами,
синицами, мелькнувшими в окне.
Я буду приходить к тебе всегда,
благодаря и подавая руку,
доверившись единственному звуку,
родившемуся, знает Бог, когда.
Я буду приходить шутя, всерьез,
на всякий случай, нехотя, в досаде,
в каракулях исписанной тетради,
которую, не важно, кто принес.
Я буду. Будем мы. И жесткий круг
реальности рассыплется на части,
на ломтики, румяные от счастья,
на звонкие мелодии подруг.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Опустошение. Пустошь-бор. Забытый маршрут
в городе, стекающем по обрыву к узкой реке.
Как там живут? — теперь думаю — и ждут, и мрут?
Катают детей на единственном в небе облаке,
акварелью раскрашенном в книжке. Еще животные
в энциклопедии, в джунглях. Вглядываюсь, парапет,
нас разделяющий, рассыпается в прах, и вот тебе —
прошлое мигает фарами и включает ближний свет,
тянет, притягивает, словно земля намагничена
на тех берегах, ведет, как слепых поводырь.
Мы это, мы!
Или что-то неопределенно личное
с точки зрения воды.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

СОСТОЯНИЕ

Рассвело. Разлилось молоко дождя.
Клен без листьев, как дом без квартир.
В оголенно-бесчувственном — кто же я?
Где земля смельчаков и задир?
Перелопатив грунты дорог
до своих и чужих корней,
что слышу? Злой и тяжелый рок —
с каждым днем тяжелей и злей.
Траектории сотен летящих птиц
примеряя к своим крылам,
все надеюсь на истину, как на приз
за блуждание здесь и там.
Преимущество точки — застынь, остынь!
Муравьиная правда проста.
Может время пришло разводить мосты
или вовсе жить без моста.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

* * *

Что-то меняется и, очевидно, идет на север,
ибо в последние годы снег и не тает.
Или так кажется? Но, что действительно скверно,
напрочь исчезла присущая жизни... тайна.
Запропастилась в паучьих углах чулана,
чучелом в чуме охотника скрылась. Жутко
слушать гудящее «У-у-у...». Заночевала
около детской кровати. Трава пожухла,
сад потемнел, помутнела даль коридора...
Сосредоточиться или позвать на помощь?
Был день без времени. Злился мороз простора.
Нынче обычная, как процедура, полночь.
Что-то потеряно. Кто-то ведет невнятно
речь о бессмертии. Чья-то ворчит прислуга.
А новогодняя ель пахнет свежей мятой,
и навигатор смотрит в сторону юга.

Ирина Голубева

колыбельная сентябрю

ВЧЕРА

Вчера был такой непонятный день,
а вечер еще непонятней дня,
смешались счастье, тоска и лень
легла под ноги, дождем звеня.
Сегодня ветер развеял грусть
и всю тревожность былого дня.
Сегодня легок вчерашний груз,
и только счастье внутри меня.

А помнишь взгляд, как тугой канат
натянут в храме полупустом
меж нами, и музыкантов ряд...
И спросишь ты: «Что потом?
Под вечер, завтра, когда-нибудь,
то в радости, то судьбу кляня?..»
Скажи, что любишь, что этот путь
не выпадет без меня.

Давно не пелось и не жилось
так нараспашку и без утрат!
Цвели шиповник и жимолость,
и лето входило в сад!
Попробуй сад тот не позабыть,
сменив на мелких влечений пыл.
Кому ты пел? Для кого ты жил?
О чем твой ангел трубил?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ ЮНОСТИ	3
ВРЕМЯ	4
КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ.....	5
«Поздней осени грязь и сырость...»	6
ПОЗДНО	7
РОМАН	8
ЗИМА	9
ПАМЯТИ ЛИДЫ	10
ПИСЬМО В НЬЮ-ЙОРК.....	11
ВОЛНА.....	12
В ДЕТСТВЕ НА КЛАДБИЩЕ	13
КАРАДАГ. ПРИБОЙ	14
ЖИЗНЬ	16
ЯПОНСКИЕ ХУДОЖНИКИ.....	17
ПРОГУЛКА В ПЕРЕДЕЛКИНО	18
ПЕРЕД ПАСХОЙ	19
ЛЮСЬКА	20
«Длинные тени заката. Безумная румба...» ...	21
ПЕРЕДЕЛКИНО. ЗИМА	22
ОБРЕТАЮ ТЕБЯ.....	23
ЧИТАЯ И. БРОДСКОГО.....	24
«Не прекословь тому, кто знает меру дна и высоты...»	25
РАЗГОВОР.....	26

«Мой внутренний, мой нерушимый мир!..» . . .	28
ЗДЕСЬ ТИШИНУ НАЗЫВАЮТ ПО ИМЕНИ	29
ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ	30
«Береги его, Ксения, в своем городе возле воды...».	31
НЕ БОЙСЯ!	32
МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ	33
ЛЕТО	34
СОЛНЦЕ	35
«Нет такого, чтоб обязательно рассказать...».	36
«Я буду приходить к тебе во сне...».	37
«Опустошение. Пустошь-бор. Забытый маршрут...».	38
СОСТОЯНИЕ	39
«Что-то меняется и, очевидно, идет на север...»	40
ВЧЕРА	41

Книжная серия «Авангарнды»

Ирина ГОЛУБЕВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕНТЯБРЮ

Стихи

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Myriad Pro
Тираж 150 экземпляров.
Сдано в набор 07.07.2021
Подписано в печать 14.07.2021

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75

Книга издана при участии
ООО «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (499) 152-28-04

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.